

Л. А. Мосионжник

**О земле, о море и о людях.
Рецензия: Terra, mare et homines II.
Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko.
Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. 234 s.**

В 2010 г. Университет Марии Кюри-Скłodовской в Люблине (UMCS) выпустил 29-й том сборника «Res historica». Этот том озаглавлен «Terra, mare et homines II» и посвящён памяти профессора Тадеуша Лопoszко (1929—1994). Редакторы тома — Хенрик Ковальский и Павел Мадейский. Многие статьи, включённые в том, ранее уже печатались на польском языке, теперь же они выходят в переводе — с расчётом на мировую публику.

Сборник открывается статьёй **Хенрика Ковальского** (Kowalski 2010) о Тадеуше Лопoszко. У этого выдающегося учёного, вся деятельность которого была связана с Университетом Марии Кюри-Скłodовской, было две основных сферы исследований: социальная история римского общества и мореплавание в древнем мире. В первой сфере выделяются работы, посвящённые римскому среднему классу, в который постепенно превращалась верхушка плебса. Одной из групп этого среднего класса были эрарные трибуны, которые по lex Aurelia juducuaria (70 г. до н. э.) стали третьей группой, наряду с сенаторами и всадниками, допущенной в судебные коллегии. Вообще, по Т. Лопoszко, римский плебс, особенно городской, не был однородной группой.

Мировую известность профессору Т. Лопoszко принесли работы, посвящённые движению Публия Клодия (57—52 г. до н. э.). Он отверг гипотезу, что Клодий был связан с триумвирами (или с одним из них) и показал, что это был независимый политик, стремившийся ограничить влияние оптиматов

и роль сената. Он опирался на широкие слои городского плебса, а утверждения Цицерона, что Клодий использовал в своих целях рабов и толпу, были обычными политическими инвективами. Используя как мирные методы, так и вооружённые отряды, Клодий умело контролировал ситуацию, что проявилось, в частности, во время голодных бунтов 57 г. до н. э. Особое внимание профессор Лопoszко уделил идентификации личности одного из его помощников — Секста Клодия Дамиона, — а также чертам сходства и различия между движениями Клодия и Катилины.

Особое внимание Т. Лопoszко уделил положению рабов в Риме, показав, что они никогда (за единственным исключением восстания Спартака) не составляли отдельную группу, выступавшую за достижение собственных целей. Ни Катилина, ни Клодий не пытались опереться специально на рабов — хотя бы как на одну из групп, у которых они искали поддержки. Свои исследования в этой области профессор подытожил в двух обобщающих монографиях: «Социальная история республиканского Рима» и «Очерк социальной истории императорского Рима»¹. В этих трудах он стремился к объективности, отвергая крайности как марксистского, так и западного подхода.

Второй сферой интересов профессора Т. Лопoszко, как уже говорилось, было античное мореплавание, прослеженное им

¹ Łoposzko T. 1987. *Historia społeczna republikańskiego Rzymu*. Warszawa; 1989. *Zarys dziejów społecznych cesarstwa rzymskiego*. Lublin.

с самых ранних времён. Здесь автор памятной статьи особо выделяет работы: «Тайны античного мореплавания», «Античные морские сражения» (где проводится мысль, что роль флота в войнах древности была не меньше, а иногда и больше, чем роль сухопутных сил), «Катастрофы античных военных флотов», «Античные пираты на Средиземном море»². В своей последней работе, изданной уже посмертно, исследователь обратился к археологии Тиры-Санторина и связанному с ней кругу проблем: вулканическому извержению XVI в. до н. э. и его связи с упадком минойской цивилизации и с мифом об Атлантиде³. Полная же библиография трудов профессора Лопозко была приведена в первом выпуске сборника «Terra, mare et homines», вышедшем в 1994 г., сразу же после смерти учёного.

Все последующие статьи сборника можно разделить на два блока соответственно указанным сферам — римской социальной истории и античной навигации (хотя даны они без чёткого разделения на рубрики). Особо из первого блока можно также выделить статьи, посвящённые истории представлений.

Так, **Лука Феци** из Высшей Нормальной Школы в Пизе обратился к одному из аспектов этой творческой биографии: «Тадеуш Лопозко как исследователь Публия Клодия Пульхра: начало голода в 57 г. до н. э.» (Fezzi 2010). **Марек Курилович** (UMCS) изучает правовую сторону регулирования снабжения римского населения продовольствием — «Crimen artioris annonae» (Kuryłowicz 2010). Это преступление — нарушение поставок продовольствия в Рим — заключалось в спекулятивном сговоре с целью повышения цен, препятствовании подвоза зерна, растрате средств, отпущенных на его закупку, подделке мер и весов, нарушении рыночной стабильности и пр. Всё это признавалось настолько опасным для общества, что право доносить на виновное лицо предоставлялось даже его рабу. Тем не менее упоминания о таких преступлениях повторяются веками, от Плавта до Ульпиана.

Влодзимеж Ленгауэр (Варшавский университет) в статье «Эрос и политика в Афинах IV в. до н. э.» (Lengauer 2010) анализи-

рует подспудные механизмы политической борьбы в Афинах 340-х годов на примере весьма необычного процесса — дела Эсхина против Тимарха (мелкого политика из партии Демосфена). Чтобы отразить традиционное обвинение во взяточничестве, предъявленное ему Тимархом, Эсхин возбудил встречный иск, обвинив своего соперника в проституции (что ещё по законам Солона влекло поражение в гражданских правах — в частности, не позволяло обвинять граждан в суде). Сложность ситуации заключалась в том, что само по себе осуждение гомосексуализма считалось у тогдашних греков признаком низкой культуры и обратилось бы против истца. Поэтому Эсхин обвинил противника не в этом, а в корыстных мотивах, неверности и в итоге — в прелюбодеянии (будучи послан на Андрос, Тимарх совращал там замужних женщин). Тем самым под сомнение ставилась гражданская полноценность человека, для которого собственные эротические интересы были явно выше нужд государства. Хотя в доказательство Эсхин мог сослаться лишь на дурную репутацию Тимарха в городе, процесс он выиграл, что серьёзно ослабило партию Демосфена. Полушутя автор заключает: «Быть может, будь сексуальное поведение Тимарха иным, политическая ситуация в Афинах приняла бы другой оборот, в том числе и в отношении Македонии» (Lengauer 2010: 93). Конечно, вряд ли это так: логику событий определял далеко зашедший смертельный кризис полисной демократии, а не характеры отдельных лиц. Тем не менее, статья ценна своими наблюдениями над социальной (в том числе политической) психологией афинян классического периода.

Иренеуш Луч (UMCS) собрал биографии префектов претория за весь период правления Юлиев-Клавдиев, начиная со 2 г. до н. э., когда эта должность была учреждена впервые. Среди этих командиров особенно выделяется фигура Л. Элия Сеяна, фактического соправителя Тиберия, квалифицированного руководителя, деловой талант которого не раз проявился на практике. На основе анализа биографий автор приходит к следующим выводам (Łuc 2010: 107—108). Главными задачами префектов претория в тот период были: охрана императора и членов его семьи; подавление военных мятежей в провинциях, а также гражданских бунтов; борьба с заговорами и слежка за подозрительными лицами из сенаторского и всаднического сословий; суд над солдатами-преторианцами; консультация императора по вопросам внешней политики; надзор за внутренним положением в империи,

² Łopozko T. 1987. *Tajemnice starożytnej żeglugi*. Gdańsk; 1992. *Starożytne bitwy morskie*. Gdańsk; 1993. *Katastrofy antycznych flot wojennych*. Lublin; 1994. *Starożytny piraci Morza Śródziemnego*. Warszawa.

³ Łopozko T. 1996. *Największy kataklizm w dziejach ludzkości*. Lublin.

в том числе за общественными настроениями и сектами; участие в общественных церемониях и сенатских заседаниях. Хотя формально должность префекта претория была пожизненной, для многих из них это был первый шаг в высших административных сферах: так, Л. Сей Страбон и Л. Лузий Гета стали затем префектами Египта. Солдаты обычно поддерживали своих командиров — никакие конфликты между ними в тот период неизвестны. Однако в случае конфликта между префектом и императором солдаты всегда принимали сторону принцепса. Впрочем, последнего это далеко не всегда спасало: все Юлии-Клавдии, кроме Августа, погибли в результате заговоров, в которых участвовали и тогдашние префекты претория.

Тема статьи **Норберта Рогоша** (Силезский университет в Катовице) звучит интригующе: «Участие и роль цезарианцев в покушении на Цезаря 15 марта 44 г. до н.э.» (Rogosz 2010). Речь идёт вовсе не о М. Бруте: он-то был старым противником Цезаря, помилованным после Фарсала и всегда державшимся отстранённо от диктатора. До самого конца он не скрывал попыток спасти Республику и на расположение к нему Цезаря не отвечал взаимностью. Однако уже современников поражало участие в заговоре лиц, долго входивших в число ближайших помощников и друзей диктатора, который им полностью доверял. Это Д. Юний Брут Альбин, Г. Требоний, Л. Минуций Базил, Г. Сервилий Каска, Л. Тиллий Цимбр, С. Сульпиций Гальба и, возможно, другие лица, которых мы не знаем по имени. У некоторых из них были личные мотивы для мести, как у Цимбра, брат которого был осуждён на изгнание. Гальба, как полагал ещё Светоний, был обижен тем, что Цезарь недостаточно активно поддержал его в борьбе на выборах консулов в 50 г. Но что двигало остальными?

Распространённая версия, что эти люди вместе с М. Брутом и Г. Кассием пытались спасти Республику от диктатора, уже готовившегося принять царский венец, нелогична. Ведь это значило бы, что до мартовских ид они были наивными идеалистами, лишь теперь понявшими, кого они привели к власти. Скорее можно допустить, что Цезарь разочаровал их надежды: они получили меньше, чем рассчитывали. Ведь всё это были лица из «старой гвардии» Цезаря, некоторые были его ближайшими помощниками ещё во времена первого триумvirата. Теперь же он активно выдвигал новых лиц — Антония и Лепида, и «старая гвардия» могла чувствовать себя обойдённой, а то и страшить-

ся за свою дальнейшую судьбу. Уже Веллей Патеркул считал главным мотивом заговорщиков «неблагодарность» (видимо, Цезаря по отношению к ним, как сами они считали). Этими настроениями и воспользовались вожди республиканцев — М. Брут и Г. Кассий, у которых было слишком мало возможностей организовать покушение без помощи лиц, облечённых реальной властью. Особенно велика была роль Д. Брута, без которого покушение вообще не могло бы увенчаться успехом. Именно он уговорил Цезаря идти в курию, несмотря на зловещие предзнаменования. Он же смог задержать Антония у входа, благодаря чему Цезарь остался в одиночестве. Он же, наконец, собрал в театре Помпея отряд гладиаторов, который (что подчёркивал Т. Лопошко) прикрыл отступление заговорщиков, когда толпа пыталась с ними расправиться. Для всего этого необходим был такой объём полномочий и такое доверие со стороны жертвы, которыми не располагали М. Брут и Г. Кассий. Поэтому, заключает Н. Рогош, цезарианцы были важнейшей группой среди заговорщиков против Цезаря, хотя и составляли среди них явное меньшинство, а о некоторых из них мы знаем только имена.

Дариуш Слапек (Люблин) в статье «Амфитеатр в римском городе — “пуп земли” или периферия?» (Ślapek 2010) рассматривает точки зрения на функцию и символику амфитеатра, существующие в настоящее время. Нередко в этой постройке видят квинт-эссенцию римского духа, «монументальную пропаганду» идеи Вечного Города, империи и прочее. Но тогда почему амфитеатры обычно (за редкими исключениями, в числе которых, однако, оказывается Колизей) располагались вне города? Почему неподалёку хоронили гладиаторов и других лиц, недостойных занять место на кладбище рядом с полноправными гражданами? Г. Виль предполагает, что амфитеатры считались «очагами заразы». Согласно теории Т. Видемана, смысл зрелищ — как гладиаторских боёв, так и *venationes* (травли преступников зверями и охотничьих сцен) — сводился к идее торжества цивилизации над варварством, *Pacis Romanae* — над хаосом внешнего мира и непокорённой природы, поэтому и здание амфитеатра следовало строить на границе заселённой местности. Этому, однако, противоречат уже упомянутые исключения. Возможны соображения чисто технического плана: в плотно застроенном городе нелегко было найти такой большой пустующий участок. К тому же громадное и очень тяжёлое здание требовало для своей постройки су-

хой (или хотя бы легко осушаемый) участок с прочным грунтом и с конфигурацией, облегчающей строительство, а найти такой участок не всегда было легко. Предполагалось, далее, что амфитеатр удаляли из центра ради безопасности (ведь там находились и преступники, лишённые всякой надежды, и пленники, и дикие звери), либо чтобы шум не мешал гражданам. Однако римляне показали себя мастерами в устройстве массовых зрелищ, так что выносить их за город было излишне. Транспортировка тех же диких зверей, к примеру, была опаснее, чем само зрелище. Что же касается шума, то его было не больше, чем в обычном театре (это подкрепляется данными античных авторов о поведении зрителей), к тому же на игры собиралось всё население города. Сам Д. Слапек замечает (в финале статьи), что бессмысленно было занимать большой участок в центре города зданием, пустующим большую часть года. Главное же, он подробно рассматривает все эти и многие другие точки зрения, указывая их сильные и слабые места, достаточность или слабость обоснования археологическими и письменными источниками.

Джеффри Тэйтам (Университет Виктории в Веллингтоне) в своей статье вновь обращается к вопросу о плебисците Атиния, по итогам которого народные трибуны были включены в число сенаторов (Tatum 2010). Следует ли это понимать так, что они включались в сенат наравне с бывшими консулами? Было ли понятие «сенатор» в республиканском Риме вообще чётко определено? Допускалось ли совмещение трибуна с членством в сенате? Эти и целый ряд других вопросов до сих пор вызывают споры, равно как и дата плебисцита Атилия. Последовательно рассмотрев их, автор признаёт правоту Пьера Виллемса, считающего, что по этому закону народные трибуны получили *jus sententiam dicendi* (право подавать голос в сенате), но вовсе не автоматическое зачисление в *patres conscripti*. Они стали своего рода «неприсутствующими членами» сената, как назывался такой статус в России. При этом П. Виллемс датирует плебисцит Атиния периодом между 123/122 и 102 г. до н. э. Дж. Тэйтам, опираясь на свою аргументацию, поднимает верхнюю дату до 97 г. до н. э.

Перейдём теперь к статьям, посвящённым истории социальных представлений. **Павел Мадейский** (UMCS) анализирует понятие «божественного мира» — *paх deorum*, считающееся по инерции основой римской ре-

лигии и даже представления римлян о мире вообще (Madejski 2010). Со времён Георга Виссова («Религия и культура римлян», 1912) *paх deorum* понимается как согласие и гармония между римской гражданской общиной и её богами. Это состояние — своего рода бессрочный контракт, который необходимо сохранять, его можно нарушить или восстановить. Сами боги заинтересованы в сохранении такого мира и потому предупреждают знамениями об угрозе его нарушения — отсюда множество ритуалов с целью вовремя распознать их «сигналы» (прежде всего, конечно, ауспиции). Продолжатели Г. Виссова иногда считают даже, что *paх deorum* мог означать не только «мир» (согласие), но и «мир» (вселенную), и видят связь этого понятия с *amicitia* — дружбой, основанной на взаимной выгоде, по принципу *do ut des*. Между тем сам Г. Виссова опирался только на анализ словоупотребления у Цицерона и Тита Ливия, а за дальнейшими аргументами отсылал к автору XVI в. Барнабе Бриссониусу.

П. Мадейский решительно оспаривает этот взгляд. Опираясь на тексты Законов XII таблиц, Плавта, Энния, Катутла, а также на эпиграфический материал и параллели из умбрского языка, он показывает, что для архаического римского сознания *paх* был вообще не «состоянием», а единовременным актом милости. Это видно из употребления архаического глагола **расо* в тексте XII таблиц. Более того, даже Цицерон и Ливий не противостоят этому мнению. Цицерон так мало интересовался этим понятием, что вряд ли считал его важной (а тем более основополагающей) частью отеческой религии. Ливий тоже упоминает *paх deorum* крайне редко — всего 11 раз в сохранившейся части своего обширного труда. При этом не раз речь идёт о просьбе *paх* для общины (до сих пор шла речь о *paх* только для отдельных лиц), но ни разу при этом не говорится, что это — состояние и что оно было ранее нарушено. Более того, как подчёркивает автор, у Ливия допускается даже получение *pacis* от чужеземных богов. Хорошо известно, с какой лёгкостью римляне переносили в Город богов из захваченных стран и устанавливали их культы. Между тем эти боги (например, карфагенские) в любом случае не были связаны с их общиной — а стало быть, с ними у римлян не было никаких отношений, которые можно было бы нарушить.

Но тогда что же такое этот *paх deorum*? Вывод автора (Madejski 2010: 118—119) гласит: в архаическом римском праве *paх* —

это акт, защищающий от кровной мести. Как римляне, так и их боги мстили за обиды, и «мир» для них означал акт милости и прощения. Вспомним Крылова: «Насытил мечь Комар — Льва жалует он миром...». Лишь со времён Августа «мир» стал означать также и благословение, а затем и покой. Кстати, в самом начале статьи П. Мадейский обращает внимание, что выражения *Pax Augusta* и *Pax Romana* встречаются в источниках гораздо чаще, чем *pax deorum*, да и объяснены лучше. Лишь позже понятие мира приняло современный вид — под влиянием еврейской концепции *шалом*, греческой *эйрене* и, конечно же, христианского понимания «мира Божия» (*pax Dei*).

Статья **Андрея Гиллмейстера** (Зеленогурский университет) посвящена связи между Сивиллиными книгами и галлами — точнее, «галльским страхом», *metus Gallicus* (Gillmeister 2010). Римская религия, как отмечалось уже многими авторами, была весьма прагматичной. Так, грех в ней понимался как *neglegentia deum* (небрежность по отношению к богам) — ритуальный просчёт, не имеющий отношения к моральным нормам (Gillmeister 2010: 53). Знамена воспринимались как сигнал для ритуалов, долженствовавших восстановить мир с богами — *pax deorum* (в оценке этого понятия А. Гиллмейстер резко расходится с П. Мадейским, другим автором, представленным в этом же сборнике), зато маги и гадалки, рассчитывавшие предвидеть будущее или активно повлиять на него, стояли вне официального культа и не раз изгонялись из Города. Особо же примечательно, что Рим, в отличие от большинства других цивилизаций древности, не имел государственного оракула. Его роль играли Сивиллины книги, по преданию, полученные ещё Тарквинием Древним, к которым и обращались в особо сложных случаях. Замечу в скобках, что их роль весьма напоминает роль китайской «Книги перемен», использовавшейся хотя и гораздо шире, но схожим образом. Как отмечает автор (Gillmeister 2010: 55), по чисто политическим причинам римские жрецы обратились к Сивиллиным книгам всего трижды: во время борьбы патрициев с плебеями, в связи с *metus Gallicus* (галльским страхом) и *metus Punicus* (пунийским страхом). Причём галльское нашествие, когда врагами был взят сам Рим, оказалось особенно травматичным для национального сознания. «Галльский страх» оказался столь живуч, что стал поводом даже для официальных человеческих жертвоприношений —

в 228, 216 и 114 гг. до н.э. (характерно, что римские авторы упоминают о жертвах такого рода с явно заметной неловкостью). При этом в 228 г., когда человеческие жертвы были принесены впервые, Рим в войне с галлами был наступающей стороной. Вплоть до покорения Галлии Цезарем ни один противник, даже гораздо более могущественный, не вызывал у римлян такого иррационального страха, что ещё заметно даже в цезаревых «Комментариях». О причинах этого явления и говорит А. Гиллмейстер в своей статье.

Работа **Катажины Бальбуза** (Университет Адама Мицкевича в Познани) «Вечность как элемент имиджа императора Траяна (очерк проблемы)» (Balbuza 2010) посвящена одному из элементов официальной идеологии Империи. Монеты Траяна с изображением богини Вечности, её атрибутами — солнцем и луной — и легендой, включающей выражение АЕТ AVG, хорошо известны. Но как понимать это выражение? В идеологию Юлиев-Клавдиев входила *Aeternitas Augusta* — «вечность империи», её режима и правящей династии. При Флавиях же, особенно при Домициане, принципиальной становится другая идеологема: *Aeternitas Augusti* — «вечность императора», то есть надежда на его посмертное обожествление. Какую же из этих традиций продолжал Траян? Аббревиатура АЕТ AVG допускает оба варианта расшифровки, а письма Плиния Младшего, в которых он не раз обращается к императору как к «твоей вечности» (*aeternitatem tuam*), не позволяют однозначно решить проблему. По мнению автора, в правление Траяна различие между обоими этими аспектами Вечности начинает стираться.

Статья **Лешека Мрозевича** (Университет Адама Мицкевича в Познани) посвящена эпиграфическому материалу из Нов (Нижняя Мёзия), содержащему следы высшего посмертного наказания в древнем Риме — *damnatio memoriae*. Такое наказание применялось к лицам, объявленным врагами государства, и заключалось в уничтожении их имён и изображений во всех официальных документах и публичных надписях. Собственно, у такого наказания давняя история. Вспомним мумию Эхнатона с лентами, из которых было вырезано имя, вспомним историю М. Манлия Капитолийского, имя которого стало запретным в роду Манлиев (Liv. VI, 10, 14).

В Новах, легионном лагере на Дунае, сохранилось 11 памятников со следами стирания имён — порой очень небрежного, так что

распознать их удаётся. Каталог этих надписей вместе с изображениями приводится в статье (Mrozewicz 2010: 130—133). Хотя, как указывает автор, поводом для такого наказания обычно являлось «оскорбление величества» (*crimen laesae majestatis*), но в 10 случаях из 11 речь идёт об именах императоров: Геты, Элагабала и Александра Севера, в одной вместе с именем Геты стёрто имя Фульвии Плавиллы либо Фульвия Плавтиана (жены или тестя Каракаллы). Лишь самая ранняя надпись содержит имя некоронованного лица — М. Петрония Суры Мамертина, зятя Марка Аврелия и сводного брата Коммода, по приказу которого он и был убит в 191 г. по невыясненным причинам. В то же время имя Коммода уцелело в одной из надписей: Септимий Север (первый император после Коммода, занимавший свой трон прочно) чувствовал себя достаточно уверенно и не торопился переписывать историю. Если кому-то всё ещё кажется, будто Россия — единственная страна «с непредсказуемым прошлым»...

Рышард Панкевич (из Бохума) рассматривает так называемую «проблему Рипля» — убеждение, что ни одно средство коммуникации, будучи раз изобретённым, уже никогда не исчезает полностью, а существует даже наряду с более совершенными соперниками. Эта проблема рассматривается как на римском, так и на современном материале, вплоть до вопроса, выдержат ли бумажные СМИ конкуренцию с электронными (Pankiewicz 2010). Наконец, **Эльжбета Возняк** (UMCS) свою работу посвятила сложному отношению Цицерона к греческому искусству (Woźniak 2010).

Блок статей, посвящённых античному мореплаванию, меньше по объёму, но не менее интересен. Особенно хотелось бы отметить обобщающую статью **Станислава Дуцина** (UMCS) «Развитие типологии военных судов в греко-римском мире в VIII—I вв. до н.э.» (Ducin 2010). Особо автор останавливается на «загадке триер», уже давно волнующей учёных. По сообщению Фукидида (I, 12—15), с которым согласен и Плиний Старший, первые триеры были построены в Коринфе ещё в конце VIII в. до н.э., — отчего же целых 250 лет они почти не использовались? Почему диеры не только выходят в море практически одновременно с триерами, но и господствуют во флоте так долго (это видно, в частности, по изображениям судов на вазах, нередко весьма детальным)? Ранее Дж. Дэвидсон попытался оспорить да-

тировку Фукидида, считая, что триеры появляются лишь в VI или даже в V в. до н.э., но не привёл веских аргументов. По мнению С. Дуцина, следует различать время изобретения триер и время начала их широкого использования. Возможно, какое-то время их устройство сохранялось в тайне (Ducin 2010: 38—40). При этом триера остаётся крупнейшим античным кораблём, устройство которого мы можем себе достаточно ясно представить, в отличие от чудовищно больших судов эллинистического времени. Что же касается вспомогательных судов (либурны, лембы и прочие), сейчас трудно их типологизировать и разделить по классам. Неясно даже, были ли *τριημιολίας* и *trihemiolia* судами одного и того же типа. В этой сфере много интересных, но нерешённых вопросов. Ясно лишь, что с превращением Средиземного моря в римское «внутреннее море» стимулы для развития военного кораблестроения исчезли, а многие его достижения были утрачены к эпохе средневековья.

Статья **Юлиуша Юндзилла** (из Университета Казимира Великого в Быдгоще) посвящена освещению римских судов (Jundziłł 2010). Анализируются находки масляных ламп и фонарей из остатков кораблекрушений в Остии, Пизе, Комаккьо (дельта По), на озере Неми, а также некоторые другие источники. Эти лампы были обычно глиняные, реже — стеклянные или бронзовые (что, конечно, было дороже), обычно с украшениями, стиль которых варьировал довольно сильно, и далеко не всегда на них имеются следы копоти. Хотя открытый огонь, разумеется, всегда грозит пожаром, но на римских судах это, похоже, не было серьёзной проблемой: во всяком случае, она не отражена ни в археологическом материале, ни в источниках. Сложнее определить их назначение в каждом отдельном случае: освещение, световая сигнализация (что подтверждается изображением с колонны Траяна — правда, плохо сохранившимся), религиозные церемонии, личные талисманы, наконец, просто груз. Последнее, правда, маловероятно: как отмечает автор, такой груз был недостаточно выгоден, к тому же ни на одном из судов не обнаружено достаточно светильников, чтобы окупить такой рейс. Всё сказанное является частью исследований, позволяющих представить себе не только мореходные качества античных судов, но и быт их команды и пассажиров, средства комфорта и пр.

Божена Ставская-Юндзилл (тот же университет) исследовала морскую симво-

лику в детских эпитафиях из римских катакомб (Stawoska-Jundziłł 2010). Морская символика в этих эпитафиях (точнее, в сопровождающих их изображениях) появляется довольно редко. Обычно это дельфины, часто ассоциировавшиеся с идеей радости и спасения. Следом за ними идёт якорь — традиционный, начиная с эллинской классики, символ надежды (в этом значении он изображался ещё на селевкидских монетах). Изображения судна не только более редки, но и менее понятны. В одних случаях их можно трактовать как символ плавания к небесному «пункту назначения», в другом (где имя погребённого не римское) — возможно, как надежда на возвращение души в покинутый отчий край. Впрочем, как указывает автор, доля морских мотивов в погребальной иконографии очень невелика.

Завершают сборник две рецензии — на книгу Анны Залевской «Теория археологического и исторического источника в современной методологической рефлексии» (Skibiński 2010) и на книгу Пэт Саутерн «Римская армия: социальная и институциональная история» (Łuc 2010a). В отличие

от остальных материалов сборника, они опубликованы по-польски. Впрочем, рецензировать рецензию, а не то, на что она написана, — занятие весьма двусмысленное. Поэтому отметим лишь, что первую книгу **Эдвард Скибинский** оценивает резко критически, упрекая автора в знакомстве только с англоязычной литературой, в путанице и явной склонности к постмодернизму. Вторая же книга (о римской армии) оценена **Иренеушем Лучем** весьма высоко — как добротное введение в военную историю древнего Рима, написанное на основе предшествующих длительных исследований П. Саутерн в этой области.

В целом сборник явился несомненной удачей составителей и достойной данью памяти выдающегося исследователя. Освещение малоизученных проблем античной цивилизации, порой таких, которые редко даже осознаются как проблемы, сочетается здесь с научной глубиной и тщательной обоснованностью выводов. Вошедшие в этот том статьи представляют интерес не только для историков, но и для специалистов других гуманитарных наук, в том числе антропологов.

Литература / References

- Balbuza K. 2010. *Aeternitas* — an element of Emperor Trajan's self-representation (an outline of the problem). *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 27—32.
- Ducin S. 2010. The development of typology of warships in the Greek and Roman World throughout the Eighth to First Centuries. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 33—51.
- Fezzi L. 2010. Tadeusz Łoposzko studioso di Public Clodio Pulcro: spunti sulla carestia del 57 a. C. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 17—25.
- Gillmeister A. 2010. The Sibylline Books and the Gauls. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 53—64.
- Jundziłł J. 2010. Lamps on Roman ships. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 65—71.
- Kowalski H. 2010. Tadeusz Łoposzko (1929—1994). *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 13—16.
- Kuryłowicz M. 2010. Crimen artioris annonae. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 73—80.
- Lengauer W. 2010. Eros and politics in Athens of the Fourth Century B.C. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 81—93.
- Łuc I. 2010. The *praefecti praetorio* of the Julio-Claudian dynasty. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 95—108.
- Łuc I. 2010a. (Recenzje). Pat Southern. The Roman Army: a Social and Institutional History, Santa Barbara — Denver — Oxford 2006. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 232—234.
- Madejski P. 2010. Pax deorum? *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 109—119.
- Mrozewicz L. 2010. *Damnatio memoriae* in the inscriptions from Novae (Moesia Inferior). *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 121—133.
- Pankiewicz R. 2010. Einige Bemerkungen zum sag. "Rieplschen Gesetz" am Beispiel des römischen Informations- und Nachrichtenwesens. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 135—142.
- Rogosz N. 2010. The participation and role of the Caesarians in the attempt on C. Iulius Caesar's Life (15 March, 44). *Terra, mare et homines II. Studies*

- in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 143—158.
- Skibiński E. 2010. (Recenzje). Anna Zalewska. Teoria źródła archeologicznego i historycznego we współczesnejrefleksji metodologicznej, Lublin, 2005, ss. 195. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 227—232.
- Słapek D. 2010. L'amphitheatre dans la ville romaine: "le nombril du monde" ou la peripherie? *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 159—178.
- Stawoska-Jundziłł B. 2010. Marine iconography of children's epitaphs from Roman catacombs. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 179—187.
- Tatum W.J. 2010. The *Plebiscitum Atinium* once more. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 189—208.
- Woźniak E. 2010. The attitude of Marcus Tullius Cicero to Greek art. *Terra, mare et homines II. Studies in memory of Professor Tadeusz Łoposzko*. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 209—224.

Статья поступила в номер 11 апреля 2012 г.

Leonid Mosionjnic (Kishinev, Moldova). Ph.D. on History. High Anthropological School University.

Leonid Mosionjnic (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Мосионжник Леонид Авраамович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: mosionjnic@mail.ru